

Внешняя политика как инструмент модернизации экономики и общества

А.С. Леонтьева

В статье рассматривается модернизация как теоретический концепт и феномен истории, освещены модели и типы реализованных и реализующихся современных модернизаций, их связи и взаимное влияние с внешней политикой государств. Анализируя неудачи модернизации Российской Федерации, авторы приходят к выводу, что такой исход - это естественный результат некритического заимствования западных либеральных традиций. превращения такой модернизации в цель, а не средство развития, игнорирования важности учета национальной самоидентификации России в новых исторических условиях. В этой связи они формулируют основы национальной модели модернизации России, основанной на аутентичных интересах страны и ее возможностях.

Вопрос о роли и значении внешней политики в стратегии модернизации России не выглядел приоритетным в 2008–2011 годы, хотя и создавал, безусловно, некие политические рамки для формирования стратегии развития страны. Фактически в этот период правящая элита избрала для себя модель развития «вписывания» в стандарты развитых стран, подражая и нередко следуя не только рекомендациям, но и прямым «советам» из-за рубежа. Эти стандарты, когда они выполнялись (как, например, в финансовой области), вели к частичной потере ее суверенитета, так как вряд ли можно говорить о независимой финансовой или кредитной политике России. Вместе с тем, когда эти стандарты покушались на политическую систему России, они нередко отторгались, что создавало видимость конфликта между правящей российской элитой и требованиями западных международных институтов.

Модернизация, заявленная Д.А. Медведевым как политическая цель и главная задача социально-экономической стратегии, стала предметом острых политических и научных споров в 2009–2011 годах. Неизбежно она была перенесена и во внешнеполитическую область, когда незримо возник конфликт между суверенитетом и модернизацией, ради которой

Россия в эти годы нередко занимала «мягкие» позиции. Одним из последних примеров этого могут служить события в Ливии. Особую актуальность указанный конфликт приобрел в связи с заявлением в декабре 2010 года В.В. Путина о необходимости «корректировки» «Стратегии 2020»¹ и развернувшейся по этому поводу дискуссией². Последняя, между тем, оказалась не очень результативной. Эксперты ИНСОР, оценивая послуживший толчком к ее возникновению доклад «Обретение будущего», констатировали, что он «... не был по-настоящему востребован руководством страны» из-за «низкого спроса на реформы в Российской Федерации»³.

В термин «модернизация» нередко вкладывается разный смысл, в зависимости от политических симпатий, а иногда и интересов отдельных социальных слоев и групп. Поэтому необходимо изначально определиться с тем, что понимается под этим термином, непосредственно связанным с внешней политикой России. В мире есть разработанное ОЭСР, Евростатом авторитетное издание «Руководство Осло», ориентированное на качественное и непрерывное изучение, измерение и интерпретацию данных, относящихся к науке, технике и инновациям. В

Леонтьева Анастасия Сергеевна – магистрант, программа «Внешняя политика и дипломатия России» МГИМО(У) МИД России. E-mail: leon-nas@mail.ru

частности, в третьем издании этой публикации уточнено определение «инновационной деятельности как непрерывного процесса», когда «предприятия вносят изменения в продукты и процессы, собирают новые знания»⁴. В данном случае это означает фактически тождественность между современными понятиями «инновации» и «модернизация», принятыми в российской правящей элите, хотя ряд авторов справедливо считают их различия принципиальными.

Главное, чего не произошло в эти годы, это осознания очевидного факта, что модернизация России может происходить только на национальной почве (в том числе национальной науке, образовании, культуре и духовности), а не посредством внешних заимствований. Тем более, когда речь идет не только о технологических, но и о общественно-политических и ценностных заимствованиях. И в этом смысле российская внешняя политика России оказалась в тяжелом положении. С одной стороны, сохранение и защита национальных интересов и ценностей предполагали сохранение высокой степени суверенитета и самостоятельности, поддержку отечественных научных и образовательных программ. С другой стороны, правящая элита откровенно подталкивала не только к технологическим, но и концептуальным, интеллектуальным заимствованиям. В России не удалось, как в Китае, Индии или Бразилии, создать национальную основу для модернизации. Апелляции к Западу только размывали остатки национальной системы ценностей. Внешняя политика, ориентированная на западную модернизацию через заимствования, в конечном счете, должна была стать либо полностью подчиненной, интегрированной в западную систему ценностей, либо противопоставить себя внутренней политике. Но это невозможно в российских условиях, когда президент является главным субъектом внешней политики. Это в полной мере отразилось в противоречивой военной доктрине Российской Федерации, принятой 5 февраля 2010 года, где говорилось, в частности, что ее положения «конкретизируются в посланиях Президента Российской Федерации...»⁵, которые в 2009–2011 годы носили весьма противоречивый характер.

Модернизация: сущность, история вопроса и типология. Изначально важно определиться с тем, является ли модернизация целью или средством в политике⁶. Пока что выглядит так, что она является целью, даже самоцелью, российской политики, даже внешней ее сферы. Хотя, в принципе, под модернизацией понимаются два разных, иногда, противоречивых, процесса: технологический (усовершенствование машин) и социальный, то есть переход от традиционного общества к модерну, от аграрного – к индустриальному – постиндустриальному – информационному. Такое двустороннее определение модернизации воспринимается отечественными политиками и учеными по-разному. Так, консервативно-ли-

беральные политики, составляющие основу правящей элиты⁷, делают акцент на технологических заимствованиях, радикально-либеральные – на общественной и политической модернизации. В реальности получается, что политический и внешнеполитический курс в России формируют финансовые власти, а не политики и общество в общепринятом понимании. Так, А. Кудрин не представляет формально никакой политической партии, но возглавляет по существу не только финансово-экономический, но и весь политический блок в правительстве, влияя решающим образом и на внешнюю политику.

Модернизация, если она является средством, а не целью политики. Практически всегда носит системный характер. С этим связано её подразделение на экономическую, политическую, социальную и культурную составляющие. В России в 2009–2011 годы правящая элита и руководство страны акцентировали внимание даже не на экономической, а на технологической модернизации. При этом политическая модернизация в России и в старой Европе – два противоположных процесса. Если в современной России под политической модернизацией понимают прежде всего ослабление «вертикали власти» в государстве и еще Бог знает что – в зависимости от политической позиции, – то в Европе, наоборот, политическая модернизация традиционно рассматривается как процесс, направленный на укрепление государства, его институтов и высокую социализацию политических институтов. Между тем, политическая модернизация России крайне нужна, ибо все понимают, что Конституция 1993 года, и поныне остающаяся «священной коровой», принималась наспех, фактически в условиях гражданской войны, а, главное, была ориентирована на властные амбиции Б.Н. Ельцина. В этой связи ни для кого не секрет, что модернизации подлежат многие аспекты политической системы страны, в частности:

- перераспределение полномочий в пользу местных органов власти, о чем писал еще А.И. Солженицын;
- закрепление права национальной элиты и общества, всех граждан, на природные и материальные ресурсы;
- обретение реально выборной власти взамен манипулирования общественным мнением;
- ограничение власти бюрократии и борьбы с коррупцией;
- законодательное закрепление принципа социальной справедливости и т.д.

Косметические меры, осуществленные Д.А. Медведевым в социально-политической сфере в 2010–2011 гг., никоим образом не могут претендовать на статус политической или социальной модернизации. Более того, на их фоне шел процесс дальнейшей поляризации двух групп населения – нищих и бедных, с одной стороны, составлявших до 75–80% населения, и относительно обеспеченных и сверхбогатых,

с другой. Это, конечно, серьезно ослабляло внешнеполитические позиции России, которая на Западе воспринималась как антисоциальное, коррумпированное и несправедливое государство. Человек, его потенциал, его способности и возможности откровенно игнорировались внутри страны, что лишало внешнюю политику самого мощного ресурса – позитивного образа, примера справедливого общества. Именно этот пример стал особенно востребован в период кризиса 2008–2009 годов, когда социальные волнения захлестнули Европу, когда соцопросы показывали, что большинство граждан разочаровались в либеральной модели развития (в Германии 2010 года – до 80%).

Но эта тема даже не стояла в повестке дня российской правящей элиты в 2008–2011 годы. Именно в это время правящий класс и управляющая элита страны разделились на две группы – «консерваторов» и «прогрессистов» (как их назвал И. Юргенс). «Консерваторы», представленные в общественном мнении В.В. Путиным и «Единой Россией», ориентировались в большей степени на экономическую (технологическую) модернизацию, в то время как «прогрессисты», к которым были отнесены Д.А. Медведева и радикальные либералы – на социальную модернизацию и политические реформы, точнее, на вестернизацию России. Во внешнеполитической сфере такого рода расхождения вели к появлению различных позиций по отношению, например, к Ливии, Белоруссии, Украине, когда интересы западных стран учитывались в большей или в меньшей степени.

По этой проблеме существуют и иные точки зрения. Так, представляет интерес мнение группы авторов доклада о модернизации в России, где говорится, что «не следует смешивать понятия «модернизация» и «инноватизация» и предлагает их следующее различие: если инноватизация представляет собой «подстегивание» экономико-технологического развития, то модернизация ориентирована на создание фундаментальных, инфраструктурных (в самом широком смысле) предпосылок для развития по всем направлениям. Разработка и внедрение новейших технологий, создание нового технологического уклада есть не первая (по времени), но вторая задача модернизации. Бессмысленно, а подчас и вредно проводить инноватизацию в условиях отсутствия социальных и политических институтов, имманентных обществу модерна, поскольку только здоровый социум и полноценно развитый человек (человек как продукт общества модерна) может правильно использовать достижения цивилизации. Примером «инноватизации без модернизации» может служить ситуация тех сельских школ, где Интернет прививается гораздо быстрее, чем повышается квалификация учителей, возникает набор бесплатных спортивных секций, появляется элементарная культура быта и другие элементы «модернизационной» инфраструктуры»⁸.

Существуют, кроме того, две типологии мо-

дернизации, сторонники которой также обозначились в современной России. Первая типология делит модернизацию на органическую (для стран-первопроходцев, прежде всего, Европы и США) и неорганическую. Такого рода модернизация проходит, как правило, под внешним воздействием стран первой группы и базируется на имитационных социально-экономических и политических механизмах. Иногда ее называют ещё «догоняющей модернизацией». Другая типология модернизации выделяет три ее типа:

- эндогенную (на собственной основе – Западная Европа, США) модернизацию;
- эндогенно-экзогенную (на смешанной основе – Россия, Турция) модернизацию;
- экзогенную (имитационную) модернизацию.

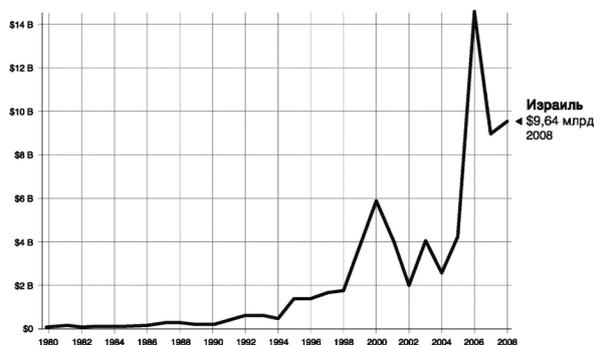
Важно отметить, что у модернизации были идейные предшественники, которые дали описание её классических концепций – О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер и др. Они рассматривали модернизацию как преимущественно процесс трансформации аграрных обществ в индустриальное. Позже социологи признали, что процесс модернизации в ее западном варианте начинается с трансформации форм общественного сознания и культуры. Собственно, это и стали делать либералы в России, пытаясь трансформировать общественное сознание, заменить сложившуюся национальную систему ценностей и подкрепляя эту свою деятельности соответствующими «реформами» в образовании, науке, культуре.

Современная концепция модернизации была сформулирована в середине XX века и прошла 3 этапа своего развития – от признания эталонами для модернизации наиболее развитых государств, до признания важности традиций, исторических особенностей каждого государства. Так, С. Хантингтон даже признавал, что модернизация может усилить традицию⁹. Это замечание, кстати, очень не хотели видеть отечественные либералы. Примечательно, что на третьем этапе, с конца 80-х годов, стала признаваться возможность уже национальных проектов модернизации, без навязывания западного опыта. Так, в «Ярославском плане»¹⁰ был представлен модернизационный опыт разных стран – Израиля, Финляндии, Индии, США, – в каждом конкретном случае связывавшийся с соответствующей национальной традицией. Именно ее учетом обуславливался, в конечном счете, модернизационный успех каждой из этих стран. В частности, в «Ярославском плане» утверждается: «Для стран, которые поощряют инновации, к сожалению, не существует универсального рецепта оптимальной государственной политики. Поэтому каждая страна вынуждена внедрять уникальную систему инноваций с учётом своих собственных сильных и слабых сторон»¹¹.

В качестве примера в этом документе приводится Израиль, который для обеспечения

быстрого роста ВВП) использовал лишь в последние 8 лет незначительные иностранные инвестиции¹². Следует особо подчеркнуть, что уникальные особенности России всегда отрицались либеральными авторами планов модернизации нашей страны.

Прямые иностранные инвестиции в Израиль
(платежный баланс в долларах США)

Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

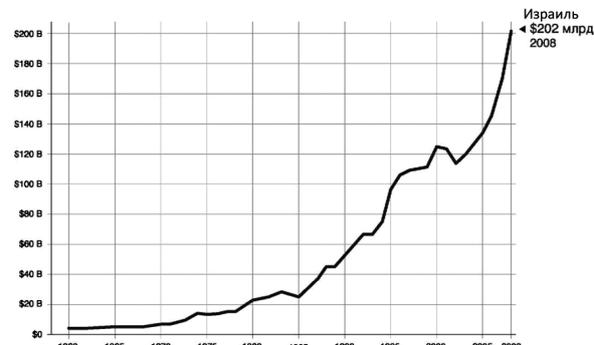
Эта ситуация во многом аналогична российской. За последние 10 лет, как правило, отток капитала значительно превышал приток иностранного капитала в экономику страны. К тому же, это были краткосрочные, а не портфельные инвестиции. Россия многие годы является чистым экспортером капитала, не получая извне ничего взамен. Как-то быстро забылись 90-ые годы, когда кредиты МВФ обставлялись тяжелыми экономическими и политическими условиями, когда за очередной транш в какие-то 5–7 млрд. долл. от России требовали (и получали) серьезные уступки. Эти внешнеполитические инструменты Россия не использовала в своих интересах, что неизбежно наводит на мысль, что в эти годы у нее не было самостоятельной финансовой политики, т.е. значительной части суверенитета. Так, теоретическая возможность дефолта американской финансовой системы, возникшая в июле 2011 года из-за превышения лимита внешней задолженности (на самом деле, объясняемая политическими факторами – борьбой республиканцев и демократов накануне выборов), была оценена Г. Грефом по последствиям для России как «катастрофическая».

Подобная зависимость для России, обладающей большими ЗВР, – искусственна. Она в реальности преодолима даже для тех стран, у которых нет таких ресурсов. Многие страны, преуспевшие в модернизации (не только Израиль, но и, например, Финляндия) опирались не на зарубежные, а на отечественные инвестиции. Причём, как видно из следующего графика, незначительные иностранные инвестиции оказывали незначительное влияние на рост ВВП страны. Так, ВВП Израиля вырос с 1990 года по 2008 год почти в 3 раза, а иностранные инвестиции – на 9 млрд. долл.¹³

Указанная специфика и особенности подходов российской финансовой элиты к модернизации отразились в полной мере на сознании всей российской правящей элиты. В результате сфор-

мировался фактически очень невнятный модернизационный курс, который обладал крайне низкой эффективностью. Прежде всего из-за своей концептуальной ошибочности – отрицания потребности развития национального человеческого потенциала, национальной промышленности,

Валовой внутренний продукт Израиля
(в долларах США на сегодняшний день без учета инфляции)

Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

попыток решить все политические и экономические проблемы с помощью финансово-монетаристских методов. Эти методы, в конечном счете, сводились к тому, что любое решение рассматривалось прежде всего с точки зрения финансовых механизмов, которые, включая многочисленные контрольные мероприятия, себя в конечном итоге не оправдывали. Так, признание отрицательного прироста внедрения инноваций в 2009–2010 годах, несмотря на значительные инвестиции, так и не привело к отказу от таких механизмов.

Даже в тех областях – внешняя политика, оборона, наука, образование, – где эти методы изначально были непригодны. Как пишет философ В.Федотова, ссылаясь в том числе на С. Хантингтона, существует несколько путей развития¹⁴:

- первый путь — **вестернизация без модернизации**. Хотя многим подобная возможность представляется сомнительной, подобный опыт эмпирически известен. Вестернизация без модернизации заключается в поверхностном, иногда операциональном усвоении западных принципов и разрушении собственных культурных традиций без восприятия западных культурных устоев. Такое общество называют разрушенным традиционным обществом, не перешедшим на следующую ступень развития. По такому пути пошли Египет и Филиппины. Во многом по этому пути подталкивают и Россию. Казалось бы, длительное присутствие США на Филиппинах могло способствовать заимствованию американских образцов, однако там не возникло отношений, напоминающих западный капитализм. Напротив, сформировались самые непродуктивные общества: Египет и Филиппины находятся в достаточно бедственном положении. То же самое происходит и в современной России, которая все больше напоминает Египет;
- второй путь — **это модернизация без**

вестернизации. Поскольку классическая модернизация всегда сопровождалась вестернизацией, такой способ развития стал принципиально новым. Иногда его называют постмодернизацией. По этому пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Они модернизировались, не меняя своей идентичности. Собственно это и есть единственно возможный и эффективный путь модернизации России. При этом такая модернизация в наибольшей степени отвечала бы внешнеполитическим интересам страны. Национальный человеческий капитал – самый мощный внешнеполитический ресурс. Развивая его, неизбежно усиливаешь свои возможности влияния в мире. И, соответственно, наоборот. Япония является одним из наиболее ярких примеров данного типа модернизации.

После Второй мировой войны американские оккупационные власти в Японии потребовали слома коллективных структур как проводников милитаристского сознания, и началась либерализация, но она привела лишь к разрушению традиционного общества. В 50-е годы XX века японские социологи выдвинули другую программу: изменить цели государства, но не ломать традиционные общинные институты, тем более что они чрезвычайно восприимчивы к государственному воздействию. Японцы провели реформу, отказавшись от либерализации и поддержав имеющуюся «коллективную продуктивность» Японское общество изменилось из-за того, что именно государство сменило свои цели. Здесь не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной культурной основе, то есть они, не меняясь культурно, начали производить современную продукцию, осуществили технологическую революцию. Однако в 90-х годах в экономике Японии наступила стагнация, и многие считают это следствием недостаточной вестернизации. Японцы производят то, что им самим в жизни не очень нужно, ведь большинство населения живет в прежнем мире. Опыт модернизации без вестернизации относительно успешен, но, как представляется, ограничен в своих возможностях;

— третий путь — **догоняющее развитие**, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы. По этой модели развивались Россия, Турция, Мексика и некоторые другие страны. Но и эта модель, обеспечив ряд достижений, в конечном итоге ведет в тупик. В-первых, ускоренная трансформация, которую переживает сегодня сам Запад, не позволяет установить, какую фазу развития Запада предстоит догнать. И второе: если рекультивация, или отрицание собственной культуры, —

элемент вестернизации — осуществляется слишком быстро, то неизбежен откат назад. Как справедливо заметил академик А.В. Торкунов, «гораздо более насущным стал кризис идентичности национальных и культурных групп, возникающий в условиях глобализации. Где-то это ведет к тихому исчезновению этносов и группы, а где-то — к сепаратизму в попытках защитить свою самобытность и право на суверенную перспективу. Практически никто из «грандов» мировой и европейской политики не застрахован от этого процесса! ...»¹⁵ Неудачи российских реформ в 90-е и последующие годы наглядно иллюстрируют данный тезис, показывая опасность возврата к прежним формам правления.

Надо признать, что ведущие европейские философы предостерегали от увлечения вестернизацией и космополитизмом, что, однако, осталось «незамеченным» нашими либералами: «Мир национального, — писал известный социолог У.Бек, — изо всех сил отторгает уроки космополитизации, противостоит обучению ей, отказывается от ее восприятия, поскольку она настолько назойлива, что кажется разумным коллективно сопротивляться ей»¹⁶.

Этот вывод отчетливо подтвердился в европейских странах в 2008–2011 годы, когда «сопротивление» космополитической глобализации в Европе вылилось в крупные социальные выступления. И не только в Греции и Италии, но и в странах лидерах глобализации — Великобритании, Франции, Германии.

Можно, безусловно, согласиться с утверждением, что наиболее адекватной формой развития обществ «по-Хантингтону» представляется национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне того, что он называет уже достигнутой вестернизацией. По его мнению, Россия отличается достаточно высокой степенью «вестернизации», но все еще нуждается в большем усвоении экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран. Это отнюдь не означает, на мой взгляд, «углубления» либерализации и вестернизации, которой стали требовать «прогрессисты-либералы в России в 2011 году.

Внешняя политика и модернизация. Отсутствие внятной идеологической концепции и, как следствие, последовательной стратегии в 2008–2011 годы, продолжили «традицию идеологических компромиссов», созданную В.Путиным в 2000–2007 годы¹⁷. Эта традиция была неизбежна для периода стабилизации, но уже не годилась для периода развития, который мог последовать после 2007 года. Этот период развития поэтому и не последовал: 2008–2011 годы стали годами стагнации и инфляции, т.е. периодом стагфляции. Прежде всего, подчеркнем, по политико-идеологическим причинам, что неизбежно отразилось и на внешней политике, которая, в отсутствие

ясной идеологии развития, опиралась на концепцию «прагматизма».

Оговоримся, что сам по себе прагматизм отнюдь не является плохим принципом, особенно для государств, которые испытывают трудности или вынуждены концентрироваться на внутреннем развитии. Так было, например, после поражения России в Крымской войне, или в современном Китае вплоть до последнего времени, руководство которого действовало долгие годы под прагматичным принципом «не показывать знамен». Но в том-то и дело, что и в России, и в Китае были внутренние вполне определенные приоритеты и стратегия развития, а внешнеполитический прагматизм был изначально временным принципом, позволяющим сконцентрировать ресурсы в интересах развития. В России 2008–2011 годов этого не было.

Сама по себе возможность модернизации всегда связана с внешними условиями существования страны, прежде всего, наличием внешней угрозы¹⁸. Когда такая угроза существует, то неизбежно происходит милитаризация экономики, когда значительная доля ВВП (принято считать - более 8%) тратится на нейтрализацию военной угрозы. Когда прямой угрозы нет, то государство может более эффективно распоряжаться своими ресурсами. Так, в период модернизации 50–60 гг. Япония тратила менее 1% ВВП на нужды обороны. Такая же доля ВВП тратилась в период модернизации в Германии и Китае (до недавнего времени).

Россия в этом смысле, как принято считать, находится в благоприятных условиях, когда отсутствует прямая внешняя угроза. Хотя субъективное восприятие экспертами иное. Так, по опросам Института социологии РАН, проведенным в 2010 году, картина выглядит достаточно тревожной¹⁹.

«Если говорить о российской национальной безопасности в целом, на каком уровне в настоящее время она находится? Какой уровень тревоги Вы объявили бы?»

Лишь 8% экспертов указали, что состояние национальной безопасности в настоящее время заслуживает пониженного уровня тревоги, а ответы «Низкий уровень тревоги» и «Очень низкий уровень тревоги» не выбрал ни один респондент.

Во многом именно эти кризисы активизировали постимперский национализм, который, строго говоря, свойственен многим нациям, в т.ч. самым «европейским». В XXI веке,

например, эти настроения усилились не только во Франции, Бельгии, Великобритании, но даже в Финляндии, где в апреле 2011 года националисты получили массовую поддержку на парламентских выборах. И все-таки явная внешняя угроза пока отсутствует. Во всяком случае, до тех пор, пока будут существовать эффективные СНВ, т.е. на 15–20 лет. Это даёт возможность стране сконцентрировать свои ресурсы на модернизации и минимизировать оборонные расходы. Во всяком случае, в среднесрочной перспективе. И задачи внешней политики минимизировать внешнюю угрозу, выиграть время. Вопрос только для чего? Для превращения России в придаток развитой Европы или для создания самостоятельного центра силы?

Еще до объявленной официально внешнеполитической стратегии модернизации, в 2010 году МИД России уделял этому вопросу большое внимание. Как пишет в отчете за 2008 год руководитель соответствующего департамента МИДа А. Горбань, «приоритетом внешней политики Российской Федерации в сфере международных экономических отношений являлось содействие развитию национальной экономики, что в условиях глобализации невозможно без широкого участия в системе мирохозяйственных связей». Таким образом, делается упор на экономической составляющей модернизации²⁰. Другими словами, задача не новая, даже традиционная, ибо и в «позднем» СССР задачей внешней политики страны являлось «создание максимально благоприятных условий для ее развития».

По большому счету, ничего не изменилось и позже. А. Горбань пишет: «На современном этапе МИД России осуществлял комплекс мер, направленных на создание благоприятных внешних условий для модернизации российской экономики, перевода ее на инновационный путь развития, повышения уровня жизни населения, обеспечения конкурентоспособности страны. За последний год достигнут успех в диверсификации российского присутствия в мировой торговле посредством оказания содействия отечественному бизнесу в развитии традиционных и освоении новых рынков наукоемкой продукции и товаров с высокой степенью обработки. Эти задачи находят своё отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 года и Внешнеэкономической стратегии РФ до 2020 года»²¹.

И все-таки во внешней политике тема модернизации зазвучала по-новому после выступления Д.А. Медведева 12 июня 2010 года в МИДе на Советствии послов и постоянных представителей и особенно после озвучивания Послания Президента России 30 ноября 2010 года. Как признал Д.А. Медведев 19 июня 2010 года на заседании Комиссии по модернизации, «в середине ноября прошлого года (т.е. в ноябре 2009 года) Правительству было дано поручение посмотреть на критерии оценки результатов внешнеэкономической деятельности и внешней

политики России для решения задач модернизации экономики»²². Соответственно, к встрече с послами в МИД Президент готовился, как минимум, полгода, в связи с чем его предложения носили обдуманый и систематизированный характер. Хотя ничего нового предложено не было, кроме интонаций и акцентов. Но в политике именно интонации и акценты имеют решающее значение. А интонации были расценены многими экспертами как определенная и усиленная ориентация на вестернизацию.

Примечательна в этой связи трактовка модернизации, данная министром С.В. Лавровым как чисто «экзогенной», привнесенной извне модернизации. Он подчёркивает мысль о том, что внешняя политика будет содействовать развитию модернизации в России в интересах страны, вместе с тем, не забывая об интересах иностранных партнёров и сотрудничестве с «международными партнерами, которым безразлично, с какой Россией они ведут дела...»²³. С.В. Лавров, таким образом, выдвигает тезис о тождественности внешнеполитических целей, которых будет добиваться Россия с помощью модернизации, и целей развитых государств мира. Более того, министр иностранных дел подчёркивает тот факт, что модернизация расширит «внешнеполитический горизонт страны по всем азимутам» и станет «позитивным способом утверждения России в ряду ведущих государств мира». Вместе с тем, – подчеркнул министр – Россия не откажется от традиционных принципов своей внешней политики, среди которых наиважнейшими являются многовекторность и прагматизм. Таким образом, модернизация рассматривается не только как внутривнутриполитическая цель, но и как внешнеполитический инструмент, который обеспечивает сближение позиций России и развитых государств, прежде всего, стран ЕС. До определенного предела, а именно – не отказываясь от многовекторности» политики.

К сожалению, из всех этих заявлений как-то выпала мысль о сохранении национальной идентичности, национальных ценностей и самобытности. Думаю, не случайно, ведь эти ценности трудно совместить с ценностями западных демократий. И здесь прослеживается историческая аналогия с прежними реформами. Не случайно российский министр делает ссылку на исторический опыт России: «Не будет преувеличением сказать, что реформы Петра Великого – по их замыслу и исполнителям, – были общеевропейским проектом. И обновленная Россия была востребована в европейской политике уже тогда Сен-Симон в своих мемуарах с горечью пишет о неудаче в 1717 году дипломатической миссии Петра I во Францию времен Регентства. По его словам, впоследствии в Париже весьма сожалели, что «так по-дурацки презрели Россию»²⁴. Указывая на существование общеевропейской идеи уже в XIX веке, С.В.Лавров говорит о том, что модернизированная Россия «отдала свой долг Европе за участие в петровской модернизации»,

выступив против Наполеона и отправив войска в Париж.

Вопрос, однако, возникает в том, какой долг сегодня должна отдать Россия? Чем она должна пожертвовать ради модернизации? Если речь идет о модернизации на национальной основе с учетом западного опыта, то наша история имеет положительные примеры. Действительно, имперский, как и советский период, дали колоссальный опыт, который можно и нужно использовать. Авторы доклада «Модернизация России как построение нового государства» пишут в этой связи: «Россия вступила в модернизационный процесс так же, как и большая часть европейских стран, в XVII веке, однако свой «фирменный стиль» российская модернизация обретает при Петре I – создателе регулярной армии, табели о рангах, новой административной системы, Академии наук, инициаторе языковой реформы (алфавита и литературного языка)». Именно эти меры обеспечили «модернизационный прорыв» в петровскую эпоху. Можно в принципе согласиться с утверждением, что в XVIII и XIX вв. происходил процесс развития «модернизационного проекта» Петра I. Наибольшее позитивное влияние на этот процесс оказали административные реформы Екатерины II и Николая I, судебная, земская, военная реформы Александра II, формирование политического представительства при Николае II²⁵.

Но нынешние авторы реформ, похоже, хотят иного, а именно – «лепить» модернизацию по западному образцу, что неизбежно приведет сначала к отказу от независимой внешней политики, а затем и от самой модернизации. Русская идентичность этого не перенесет. Она неизбежно войдет в конфликт с такой модернизацией, что косвенно признают и авторы упоминавшегося доклада: «В начале XX века Россия могла превратиться в общество модерна, если бы не серьезные социальные противоречия. Прежде всего, это трёхсторонний конфликт интересов элиты, модернизированных групп населения (от профессиональной интеллигенции до квалифицированного пролетариата), крестьян. К этому добавлялась национальная проблема, связанная с разнородным составом населения Российской империи. Так, русская культурная основа модели модернизации была неприемлема ни для Финляндии, Польши, у которых были собственные национальные модели, ни для азиатских и закавказских регионов, у которых не было никакого проекта модернизации»²⁶.

Важно отметить и советский опыт модернизации, который был весьма результативным, о чем упорно не хотят говорить либералы. При И.В. Сталине ВВП СССР был увеличен в 3 раза и стал вторым в мире после США. И именно поэтому И.В. Сталин стал предметом таких острых нападок в массовых СМИ в 2011 году. Он прямо противопоставлялся модернизации. И не из-за репрессий, а из-за сохранения национальной модели преобразований и независимой внешней политики СССР. По мнению авторов либерального

проекта модернизации, России, в становящемся многополярном мире ей нет нужды становиться самостоятельным центром силы и влияния, так как она должна примкнуть к Западу.

Свой долг Европе мы отдали и той великой русской культурой XIX века, которая была бы невозможной без европейской прививки Петра. Кстати, именно ее продукты, и, прежде всего литература, позволили нам сохранить ту внутреннюю свободу, которая «стала решающим фактором эмансипации российского общества после Великой Отечественной войны»²⁷. К сожалению, сама модернизационная политика

России в 2008–2011 годы не просто давала сбои. Она оказалась в принципе проваленной. Это были вынуждены в конце концов признать даже авторы «Стратегии 2020»²⁸. В частности, это выразилось в **сокращении** численности исследователей и результатов инновационной деятельности²⁹, которая фактически сократилась даже после обвала 2000–2008 годов.

Вот почему в это же время оживилась дискуссия о социальной и политической модернизации, которая опиралась на постулаты традиционной либеральной идеологии. Для внешней политики главную идею подобной

Персонал, занятый исследованиями и разработками

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.	Численность персонала – всего	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
	Исследователи	425954	422176	414676	409775	401425	391121	388939	392849	375804
	Техники	75184	75416	74599	71729	69963	65982	66031	64569	60218
	Вспомогательный персонал	240506	238933	232636	229214	223356	215555	213579	208052	194769
	Прочий персонал	146085	149043	148967	147752	144594	140549	138517	135665	130461

модернизации сформулировал С.В.Лавров следующим образом: Задача России – вписаться в общий «модернизационный порыв». Только тогда Россия будет представлять ценность для Европы и других стран, а её потенциал развития станет существенным ресурсом для преодоления последствий экономического кризиса³⁰. Подобная позиция – «вписаться в модернизационный прорыв», – нередко встречает справедливую и острую критику в России. И отнюдь не только со стороны патриотов, националистов, социалистов или коммунистов, но и со стороны некоторых либералов³¹.

Вот почему в это же время оживилась дискуссия о социальной и политической модернизации, которая опиралась на постулаты традиционной либеральной идеологии. Для внешней политики главную идею подобной модернизации сформулировал С.В.Лавров следующим образом: Задача России – вписаться в общий «модернизационный порыв». Только тогда Россия будет представлять ценность для Европы и других стран, а её потенциал развития станет существенным ресурсом для преодоления последствий экономического кризиса³⁰. Подобная позиция – «вписаться в модернизационный прорыв», – нередко встречает справедливую и острую критику в России. И отнюдь не только со стороны патриотов, националистов, социалистов или коммунистов, но и со стороны некоторых либералов³¹.

России не может и не должна стать только «поставщиком развития» для других стран, что означает, по сути, некое усиление экономического потенциала, который позволит РФ «способствовать разрешению экономических проблем и созданию новой модели мирового развития». Но не для себя, и в своих интересах, а для других стран.

Считается почему-то, что Россия в таком случае «будет действовать в двустороннем режиме. Это позволит ей, с одной стороны, заниматься необходимыми преобразованиями, с другой – развивать с другими государствами отношения по линии обмена ресурсами, услугами, товарами»³². На практике же получится, что ее будут использовать исключительно в рамках сырьевой модели, ибо конкуренты на рынке наукоемкой продукции развитым странам не нужны. Более того, они опасны.

Внешняя политика как источник модернизации. Сегодня руководство страны рассматривает внешнюю политику в качестве серьёзного источника модернизации, который имеет решающее значение со следующих точек зрения:

- во-первых, как создание максимально благоприятных внешнеполитических условий, обеспечения безопасности страны, не требующих отвлечения крупных ресурсов на оборонные цели;
- во-вторых, как создание благоприятного политического климата для сотрудничества в области экономики, технологий и знаний, как политика «технологических заимствований»;
- в-третьих, как источник негосударственных ресурсов, в т.ч. в области развития частно-государственного партнёрства, для которого необходим благоприятный международный климат;
- наконец, в-четвёртых, как источник зарубежного опыта, знаний и навыков в организации НИС³³.

В принципе, возражать против такой концепции трудно. Но она скорее относится к категории благих пожеланий, оторвана от позиции развитых стран, которым как раз это-то

■ Политология

и не нужно. Прагматизм этой концепции понятен и оправдан, но он не реалистичен. И поэтому на практике не работает. Нам за 2008–2011 годы в реальности не удалось продвинуться ни по одному из упомянутых направлений. При этом как-то затушевывается внешнеполитическая идеология, (реальная) подоплека концепция либеральной модернизации, которая представляет по сути вестернизацию России. Яснее всего ее изложил в своем выступлении на съезде «Правого дела» В.Л. Иноземцев: «Заявите прямо и открыто: Россия – значимая часть европейской цивилизации. Ей нечего искать в Азии, кроме проблем и угроз, а наше «выпадение» из процесса европейской интеграции – самая большая ошибка. Суверенитет страны приносит нашим согражданам меньше благ, чем могла бы принести уступка его части в пользу общеевропейских институтов. Кто в этом зале сомневается, что европейские судебные инстанции лучше Басманного суда; что европейские социальные нормы выше российских, что европейские стандарты совершеннее наших? Выразите предельно конкретно позицию о том, что Россия должна стать членом Европейского Союза, принять его нормы и законы, и в будущем участвовать в выработке новых. Присоединение к ЕС – залог выживания нашей страны в эпоху глобальных интеграционных объединений. Не нужно ни соревноваться в имперскости с США, ни учиться авторитаризму у китайских товарищей. Обозначьте предельно четко этот внешнеполитический вектор»³⁴.

При этом необходимые внешние ресурсы – инвестиции и технологии, – являются важнейшей частью модернизации, которые никто не спешит нести в Россию. Российские эксперты исходят из того, что российская экономика – ресурсная и малоинновационная, – не способна самостоятельно преодолеть технологическую отсталость. Действительно, 2009–2011 годы показали, что в России уровень инновационных товаров сохранился на уровне 2008 года, т.е. 7–8%. Но не потому, что экономика не является самодостаточной, а потому, что ее делают таковой финансовые власти и правящая элита.

Президент России поставил конкретную задачу перед МИДом для мобилизации внешнеполитических возможностей в целях расширения круга внешних источников модернизации. В своем выступлении в МГИМО(У) С.В. Лавров говорил о том, каким образом связаны внешняя политика и модернизация страны: «По поручению Президента развернута работа по задействованию внешних источников модернизации. Этой задаче теперь подчинена вся наша внешнеполитическая деятельность. Выработаны критерии, на основе которых можно обоснованно судить о результативности принимаемых в нашей дипломатической работе мер. Готовятся решения по дальнейшему укреплению координирующей роли МИД»³⁴. Но эта позиция, повторяем, основывается на наших пожеланиях, «хотелках».

Следует признать, что США продолжают весьма критически выстраивать свою политику по отношению к России. Об этом свидетельствуют, например, слушания в Конгрессе, которые прошли в начале лета 2011 года под весьма символическим названием: «Америка перед лицом российской агрессии». В ходе состоявшегося в то же время визита С.В. Лаврова «вдруг» выяснилось, что у США и России есть немало противоречий. И речь идет не только об отказе США зафиксировать не направленность противоракетной обороны против России, но и о расхождениях по вопросам признания независимости Палестины, отношений с Сирией, Ираном, очередного замораживания отмены поправки Джексона–Вэника, вступления в ВТО и т.д.³⁶

Развитие этой концепции модернизации продолжалось во взаимодействии МИДа и президентской модернизации в подготовке визитов, мероприятий в России и за рубежом, направленных на содействие российской модернизации, привлечению к ней как государственных, так и частных партнёров, адаптации российских реалий к модернизационным условиям. Так, например, 14 декабря 2010 года, в Сколково состоялось специальное заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, где обсуждались вопросы технического регулирования. Важным шагом стало предложение Д.А.Медведева о переходе к использованию технических стандартов ЕС в российской правовой практике. Это позволит повысить эффективность российской экономики и облегчит сотрудничество с европейскими странами. Кроме того, президент выдвинул идею о том, что инноцентр в Сколково станет центром для обмена опытом между ведущими мировыми учёными и площадкой для интеграции России в международное экономическое пространство³⁷.

Но означают ли эти действия возможность получения реальных результатов в модернизации? Если, да, то, на наш взгляд, очень скромных, «точечных». Ни «Сколково», ни другие инициативы не стали сознательной научно-технической и промышленной политикой. Это, скорее, бренды, лозунги, которые, конечно же, нужны, но заменить реальную национальную политику, которая в XXI веке может основываться только на развитии национального человеческого капитала, не могут.

Анализ современной международной ситуации, в условиях которой российские партнёры стремятся преодолеть «пережитки» «холодной войны», позволяет говорить о «позитивной модернизационной заряженности» России³⁸. Но эта оптимистичная оценка С.В. Лаврова – скорее всего, лишь пожелание. Так, в 2008–2011 годы особое внимание уделялось привлечению иностранных инвестиций в экономику страны, причём, прежде всего, портфельных, а не спекулятивных. Этот вопрос обсуждался, например, на специальном 22-ом заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России 30 марта 2011 года

в Магнитогорске. В частности, Президент России заявил о необходимости значительного увеличения иностранных инвестиций (это и технологии, и деньги) для реализации целей модернизации. В ходе этого заседания была поставлена задача создания российского фонда прямых инвестиций для привлечения таковых из-за границы³⁹. Всё это требует, понятно, проведения открытого, не конфронтационного, многостороннего, открытого внешнеполитического курса. Но стоит ли всерьез полагать, что эта очередная попытка (со времен М.С. Горбачева) принесет реальный результат? Думаю, что нет. Портфельные инвестиции привлекались в авторитарный СССР и Китай более успешно, чем в «демократическую» Россию. И этому есть простое объяснение: для таких инвестиций важнее всего стабильность и гарантии сильного государства, а не пресловутый «инвестиционный климат».

Думаем, что в модернизационной стратегии России существует системная, концептуальная, политико-идеологическая ошибка. Она, если коротко, заключается в том, что мы выбрали «экзогенно» – инерционную модель модернизации, фактически игнорирующую национальные интересы. Именно «национальные», а не абстрактно-макроэкономические. Эта модель, возможно, и была эффективной для развитых государств в 70–80-е годы XX века, но сегодня себя очевидно изжила. И, прежде всего, потому, что главной частью национального богатства страны стал национальный человеческий капитал, а не финансовый капитал или ресурсы. А это – то, главного, в реализуемой в России модели модернизации и нет. Поэтому, в лучшем случае, мы можем рассчитывать на более или менее удачный повтор опыта 70-х годов развитых стран. Не более того.

Сегодня рыночная модель экономики, как и капитализм в целом, находятся в остром и системном кризисе, в том числе идеологическом, И геополитическом, ибо неизбежно происходит изменение в мировом соотношении сил. В этой связи возник вопрос о пересмотре роли и участия в ведущих международных организациях таких быстро развивающихся стран, как Индия, КНР, Россия, Южная Африка. Прежде всего, в МВФ и Мировом банке, но также и на политическом уровне. В частности, стала заметна активизация этих государств в совещаниях ведущих 20 государств мира («Большой двадцатки»), а также усиление сотрудничества по линии БРИКСа и ШОС, что ведёт к быстрому росту товарооборота между Россией и Китаем, Россией и Индией, Россией и другими странами. Так, усиление Турции привело к тому, что эта страна стала занимать одно из ведущих мест во внешней торговле РФ.

Мировое сообщество столкнулось с необходимостью нахождения альтернативного варианта или значительного реформирования существующей капиталистической модели и системы международной торговли, поэтому многие страны столкнулись с «модернизационным вызовом». Наиболее благоприятный вариант

для всех стран – это сотрудничество в сфере модернизации национальных экономик и общества, а также развитие мировой торговли. Так, в период кризиса, при общем падении мировой торговли (в некоторых странах – до 10–5%), доля импорта нефти в Индии и КНР возросли на 22,8% и 24,9% соответственно⁴⁰.

Но главное, все-таки, не это. Мировой кризис это, прежде всего, кризис мировоззренческий и идеологический. И Россия в этом кризисе должна играть не пассивную роль последователя либеральных традиций, а активную – предлагать свои, в том числе политико-идеологические, инициативы и модели. Если в конце 80-х годов СССР стал, по словам Е.М. Примакова, «соизмерять свои внешнеполитические инициативы с общественным мнением на Западе»⁴¹, то впоследствии мы стали слепо следовать не только либеральным экономическим идеям, но и либеральным политическим идеям, и либеральным моделям Запада. Мы потеряли идеологическое лидерство и, как следствие, важнейший внешнеполитический ресурс влияния. Мы не предлагаем в условиях мировоззренческого кризиса привлекательных идей и концепций мировой общественности, довольствуясь цитированием западных политиков и политологов. Те же идеи, которые мы озвучиваем, как правило, не находят широкой общественной и политической поддержки потому, что они не опираются на обоснованную идеологию, носят частный, прагматический, «неидеалистический» характер. Если говорить, например, о ЕС и России, то партнёрство «в духе солидарной ответственности» является для нас и для Европы, вроде бы, обязательным и взаимовыгодным. Иначе, Европа может «превратиться, по словам С.В. Лаврова, в огороженную территорию с высокой концентрацией музейных экспонатов под открытым небом»⁴². Но такое понимание отнюдь не является прорывным идеологическим тезисом. Оно направлено к правительствам, а не общественности, которая ждёт от нас большей активности и самостоятельности.

Вот почему результаты всех наших преобразований весьма скромные. Основой для сотрудничества в сфере модернизации за пределами России является совместная с ЕС программа – «Партнёрство для модернизации», принятая на саммите Россия-ЕС в Ростове-на-Дону. На данный момент это наиболее успешный проект такого рода. Вероятно, на данном направлении – модернизационном – это самое большое достижение российской дипломатии. Эта программа успешна потому, что полностью вписывается в установку, согласно которой модернизация страны производится при максимальном использовании внешних источников модернизации. Но она в принципе не способна повлиять на стратегию модернизации, являясь в лучшем случае частной ее иллюстрацией.

Международное партнёрство как средство модернизации. Проблема соотношения партнёрства и противостояния в XXI веке,

---

■ Политология

безусловно, стала одной из важнейших. До этого времени партнерство рассматривалось как одна из форм участия в союзах или военных коалициях. Сегодня каждая страна должна решить: идти либо по пути партнерского разрешения спорных проблем, либо использовать прежние модели обеспечения безопасности. России определилась: «Современный мир переживает фундаментальные изменения, которые ведут либо к росту конфликтности, либо – при эффективной внешней политике – к росту возможностей государств для развития. Принципиальной основой российской внешней политики в этих условиях является, как говорится в Концепции внешней политики РФ, «взаимный учёт интересов», развитие партнёрства и роли России в разработке основных принципов функционирования мировой финансово-экономической системы»⁴³.

Именно международное сотрудничество позволяет России участвовать в глобальных процессах развития в Европе, АТР, Африке и Латинской Америке. И сегодня это не только наиболее передовая форма развития отношений, но и единственно возможная для России. С одной, но очень существенной оговоркой: когда другие страны хотят и согласны на такое партнерство. Когда они не воспринимают такое партнерство как череду односторонних уступок со стороны России. Другими словами, проблему можно сформулировать и так: партнерство абсолютная ценность, ради которой нужно идти на уступки своих национальных интересов и отказ от национальной системы ценностей, либо партнерство справедливая форма защиты своих национальных интересов и ценностей.

К сожалению, со времени М.С. Горбачева у нас периодически происходит «качание маятника» от одного понимания к другому. При этом для значительной части правящей элиты России, особенно той, которая уже в реальности обосновалась на Западе, нарастает открытое стремление утвердить принцип отказа от национальных интересов и ценностей в пользу либеральной системы, существующей на Западе. Это и понятно, ведь их личные интересы давно уже полностью совмещены с интересами других стран. Именно в этой области сегодня заложена, на наш взгляд, наиболее тревожная, не часто обсуждаемая конфликтность: до какой степени партнерство учитывает интересы других и готово поступиться своими?

В выступлении на совещании российских послов и постпредов в МИД России 12 июля Д.А.Медведев подчеркнул, например, что современная Россия стремится стать страной новых возможностей, открытой для партнерства со всеми странами, которые изъявляют об этом желание, во всех областях для реализации совместных проектов и развития продуктивных отношений. Но насколько эта открытость будет влиять на национальные интересы? Есть уже и разрабатываются новые механизмы партнерства, которым В.Путин, Д.Медведев и С.Лавров уделяли

много внимания. Так, уже более года работает Комиссия по модернизации и технологическому развитию России, где рассматриваются общие вопросы формирования модернизационной политики России. Перед ней стоит цель – выработать действенный подход к развитию наукоемких секторов экономики, создать правовые условия для инновационного роста и т.д. Другая цель – развитие сотрудничества в условиях появляющихся новых вызовов и угроз⁴⁴, когда между государствами «обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов...»⁴⁵.

Особенно болезненная область партнерства – гуманитарная. По мнению С.В. Лаврова, «понятие модернизации вышло за рамки только экономики. Социальная стабильность, надежность институтов гражданского общества – это те составляющие, которые будут способствовать росту авторитета России как развивающегося быстрыми темпами современного государства. Предпринимаются энергичные усилия по реформе судебной системы в России, совершенствованию работы правоохранительных органов, противодействию коррупции»⁴⁶. Таким образом, узкое «технологическое» восприятие модернизации постепенно расширилось до фундаментального – необходимости политической и социальной модернизации. И многое происходит именно в рамках партнерства. Действия российского руководства, в том числе по борьбе с коррупцией, устранению административных барьеров, либерализации деятельности партий и НПО в 2008–2011 годы привели к тому, что модернизация медленно, но распространяется не только на экономическую, но и на другие сферы общественной жизни. Важно, что эти процессы в принципе совпадают с аналогичными процессами в ЕС. Подобно тому, как ЕС реализует положения Лиссабонского договора, Россия последовательно претворяет в жизнь европейскую программу «Партнёрство для модернизации»⁴⁷.

В этой связи особенно важно становится понимание внешнеполитической стратегии России, её взаимосвязи с модернизацией на новом уровне развития партнерства. Эта взаимосвязь окрепла после выступления Д.А.Медведева в МИД. Так, стратегические направления внешнеполитического курса модернизации изложены С.В.Лавровым 20 декабря 2010 года. Появилась и новая особенность партнерства: мировой финансовый кризис создал более благоприятные условия для создания платформы равноправного модернизационного сотрудничества. Возникшие у государств трудности укрепили их приверженность многостороннему взаимодействию в поиске решений, особенно в области экономики. Главным образом это коснулось многосторонней дипломатии в рамках ООН, «восьмёрки», БРИК, ШОС. Среди наиболее значимых итогов 2010 года комплексное укрепление интеграционных процессов на пространстве СНГ на основе «модернизационных императивов»⁴⁸.

Большое значение имеет развитие

государственно-частного партнёрства в интересах модернизации как в России, так и за рубежом. Сегодня 20% ВВП производится в государственном секторе, поэтому в 2009- 2010 годы В.В.Путин и Д.А. Медведев развернули фактически «личную дипломатию», направленную на развитие этой формы сотрудничества. Это хорошо видно на примере официальных визитов Президента в Китай и Индию в 2010 году, другие страны БРИКС. Применительно к внешней политике концепция государственно- частного партнёрства была изложена С.В.Лавровым в ноябре 2010 года: «Сопряжение усилий внешнеполитического ведомства и отечественного бизнеса имеет особое значение в нынешних условиях комплексной модернизации, перевода экономики на инновационную, высокотехнологичную модель развития».

Государственно - частное партнёрство- это возможность совместить опыт дипломатов, хорошо знакомых с местной спецификой стран, и опыт предпринимателей. Это позволит внедрять инновации, осуществлять инвестиции в проекты, в конечном счёте, способствовать модернизации и повышению уровня жизни⁴⁹. Известно, что внешняя политика Российской Федерации является продолжением внутренней политики страны, направленной на ускоренную модернизацию экономики и общества, создание в этих целях максимально благоприятных внешних условий, источников и мотиваций. В этом заключается суть и формальная сторона политической философии нынешнего руководства России. Которая, однако, носит слишком общий, часто противоречивый характер. Вряд ли можно назвать ее некой, более или менее полной, системой взглядов. Скорее, это набор неких норм, появившихся и появляющихся в результате рефлексии правящей элиты. Вряд ли это можно назвать и стратегией, хотя существующие формально нормативные документы, вроде бы и очерчивают круг этих проблем.

Но стратегия внешняя, вытекающая из

национальной стратегии, так или иначе, должна основываться на понятной и общепринятой элитой системе взглядов. Системы, которой нет. Потому, что такая система существует только в форме цельной идеологии. По аналогии с военной доктриной, представляющей собой официально принятую систему взглядов на цели и характер войны, способы и методы ее ведения, на внешнюю политику и модернизацию такой сбалансированной системы взглядов у правящей российской элиты нет. Есть отдельные взгляды отдельных групп правящей элиты. Прежде всего, финансово-либеральной, которые (не пользуясь массовой поддержкой) присвоили себе право формулировать и реализовывать такую политику. Не неся за это никакой ответственности.

Сегодня пытаются абсолютизировать «новизну» модернизации. Важно подчеркнуть, однако, что модернизация как политико-философское понятие и процесс обновления общества не является «инновацией» XX или XXI века. Что касается модернизационных попыток в России на любых этапах её развития, то приходится констатировать, что речь может идти лишь о модели «догоняющей» модернизации. Что, видимо, неизбежно и сегодня.

Leontieva A.S. Foreign Policy in modernization of economy and society.

Summary: The article analyses modernization as a theoretical concept and a history phenomenon, it also discusses various historical and contemporary models and types of modernization, their links and interaction with a country's foreign policy. The authors show that failure of modernization in Russia is due to the uncritical adaptation of western liberal tradition and ignorance of Russian specificity in the current historical context, resulting in modernization as an aim in itself rather than a way to development. Hence the authors offer the foundations of the national model of modernization in Russia, based on authentic Russian interests and capabilities.

Ключевые слова

Россия, внешняя политика, модернизация, инноватизация, стратегия модернизации, типы модернизации, модернизационные ресурсы, идентификация, национальные ценности, правящая элита.

Keywords

Russia, foreign policy, modernization, innovation, modernization strategy, types of modernization, resources of modernization, identification, national values, ruling elite.

Примечания

1. Хотя принятая в марте 2008 года Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации и оказалась нереализованной к 2011 году, ее основные цели и зада руководством страны оставлены неизменными. (См. подробнее: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М., МЭР, март 2008. В частности, раздел № 1 Стратегические ориентиры долгосрочного социально-экономического развития», сс. 3–21).
2. См. подробнее: А.Подберезкин. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития. – Вестник МГИМО(У), № 2 (17), 2011, сс. 7–14.
3. А.Самарина. Невостребованная вера в политическое чудо. – Независимая газета, 14 июля 2011 г.,.
4. 4 Руководство Осло. Третье издание. ОЭСР, 2010, с. 10.
5. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 05.02.2010 / www.president.ru
6. См. подробнее: М.А.Хрусталёв. Методология прикладного политического анализа. М. – Проспект, МГИМО (У), 2010, сс. 47–50.
7. См. о влиянии отдельных групп, например: П.Орехин. Вторые лица государства. – Профиль, 20 июня 2011 г., сс. 28–30, а также другие источники. Из них видно, что фактически страной управляет финансовая элита («монетарная власть»), которая оказывает

■ Политология

- решающее влияние и на политические (внешнеполитические) решения.
8. И.Пономарев, М.Ремизов, Р.Карев. Модернизация России как построение нового государства. Доклад на заседании ИНКОР. 30 октября 2010 г. – Эл. ресурс: АПН / <http://www.apn.ru/publications/article22100>
  9. С.Хантингтон. Политический порядок в меняющемся обществе. – М., 2004.
  10. Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений – The New York Academy of Science, August 20, 2010.
  11. Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений – The New York Academy of Science, August 20, 2010.
  12. Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений – The New York Academy of Science, August 20, 2010.
  13. Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений – The New York Academy of Science, August 20, 2010.
  14. В.Федотова. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект / <http://www.perspektivy.info>
  15. А.Торкунов. По дороге в будущее. М., Аспект-Пресс, 2010, с. 33.
  16. У.Бек. Космополитическое мировоззрение. М., 2008, с. 152.
  17. См. подробнее: А.Подберезкин: раздел «Идеологические предпосылки политики В.Путина» в кн.: А.Подберезкин. Человеческий капитал. М. – Европа, 2007, с. 418–431.
  18. Очень важно адекватно оценить вероятность этой грозы, что является, безусловно, субъективным фактором. Переоценка, как в 70-ые годы, также опасна, как и недооценка в 90-е годы.
  19. Цит. по: А.Подберезкин. К началу второго десятилетия XXI века Россия окончательно разделится на два лагеря. 16 июня 2011 г. – Эл. СМИ / www.viperson.ru
  20. А.Горбань. Экономическая дипломатия Российской Федерации в 2008 году. – Дипломатический вестник. Ежегодник – 2008. М., 2009, с. 611.
  21. А.Горбань. Экономическая дипломатия Российской Федерации в 2008 году. – Дипломатический вестник. Ежегодник – 2008. М., 2009, с. 611.
  22. Стенографический отчет о заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию России. 19 июня 2010 г. Санкт-Петербург. Эл. СМИ «Президент России!» / <http://kremlin.ru>.
  23. С.В.Лавров. Внешняя политика России – вклад в укрепление международной безопасности и стабильности. – Дипломатический ежегодник 2010. 28 февраля 2010 г.
  24. С.В.Лавров. Внешняя политика России – вклад в укрепление международной безопасности и стабильности. – Дипломатический ежегодник 2010. 28 февраля 2010 г.
  25. И.Пономарев, М.Ремизов, Р.Карев. Модернизация России как построение нового государства. Доклад на заседании ИНКОР. 30 октября 2010 г., Эл. ресурс: АПН / <http://www.apn.ru/publications/article2210>
  26. И.Пономарев, М.Ремизов, Р.Карев. Модернизация России как построение нового государства. Доклад на заседании ИНКОР. 30 октября 2010 г., Эл. ресурс: АПН / <http://www.apn.ru/publications/article2210>
  27. С.В.Лавров. Внешняя политика России – вклад в укрепление международной безопасности и стабильности. – Дипломатический ежегодник 2010. 28 февраля 2010 г.
  28. Важно напомнить, что на самом деле никакой «Стратегии 2020» не было. Не было и формального документа. Главное, не было плана. Был лозунг. Концепция долгосрочного социально-экономического развития МЭРа, принятая в марте 2008 года, которая являлась формальным документом, очень быстро оказалась заброшенной уже осенью того же года, когда начался кризис в России. Поэтому, строго говоря, «провалилось» то, чего не было: ни «Стратегии 2020», ни планов, ни идеологии. Провалился прогноз МЭРа в очередной раз, как и разработанная им концепция социально-экономического развития.
  29. Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск 4. Статсборник. М., Минобрнауки, 2010, с. 23.
  30. С.В.Лавров. Внешняя политика России – вклад в укрепление международной безопасности и стабильности. – Дипломатический ежегодник 2010. 28 февраля 2010 г.
  31. Разрушители Отечества. – «The New Times», № 6, 2011, с. 4.
  32. С.В.Лавров. Внешняя политика России – вклад в укрепление международной безопасности и стабильности. – Дипломатический ежегодник 2010. 28 февраля 2010 г.
  33. НИС – национально-инновационные системы, которые создавались в каждой из развитых стран с учётом национальной специализации, условий и возможностей
  34. В.Иноземцев. Выступление на съезде политической партии «Правое дело». М., 25 июня 2011 г.
  35. С.В.Лавров. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 г. / <http://www.vietnam.mid.ru>.
  36. Е.Шестаков. Паритет-а-тет. – Российская газета, 14 июля 2011 г., с. 8.
  37. Заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. 14 декабря 2010 г. Эл. СМИ «Президент России». Официальный сайт / <http://state.kremlin.ru/news/9818>.
  38. С.В.Лавров. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 г. / <http://www.vietnam.mid.ru>.
  39. Заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. 30 марта 2011 г., Магнитогорск. Эл. СМИ «Президент России». Официальный сайт / <http://state.kremlin.ru/news/>.
  40. Мировая торговля и международные грузоперевозки в 2009 году. Итоговый отчёт. / Кант, 2010, с.13
  41. Е.М.Примаков. Минное поле политики. – Молодая Гвардия, 2007, с. 44.
  42. С.В.Лавров. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 г. / <http://www.vietnam.mid.ru>.
  43. Концепция внешней политики Российской Федерации / www.kremlin.ru
  44. Развитие цивилизаций и стран может вести к появлению новых угроз, о которых говорил С.Хантингтон и другие философы. См., например: Б.А.Тонтарёв. СМИ и мировые цивилизации/М.МГИМО (У), 2011.
  45. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. / www.kremlin.ru
  46. Тезисы выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в Ассоциации европейского бизнеса в России, Москва, 13 сентября 2010 г. / www.mid.ru.
  47. Тезисы выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в Ассоциации европейского бизнеса в России, Москва, 13 сентября 2010 г. / www.mid.ru.
  48. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова “Итоги года” агентству “Интерфакс”, 20 декабря 2010 г. / www.mid.ru.
  49. Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на заседании Делового совета при Министре иностранных дел Российской Федерации, 26 октября 2010 г. / www.mid.ru.
-